

— Курица и рыба — каждый год изобилие! — весело сказала Лю Юаньюань, младшая дочь семьи Лю, которая скоро будет сдавать экзамены в старшую школу. Она была на несколько лет младше Лю Дунфэна, обладала живым характером и хорошими оценками.

Лю Дунфэн и отец Лю также вышли из кухни, улыбаясь, и сели за стол. Лю Дунфэн сначала взял бокал, наполнил до краев для пожилых людей, подумал и налил еще один для Цю Минцюаня.

— Всего один бокал, выпьем! — он хихикнул. — Раз уж народу много, расскажу вам хорошую новость: нашего начальника Чжана сняли с должности!

Цю Минцюань слегка удивился, но тут же догадался:

— Верхушка начала действовать?

Лю Дунфэн с энтузиазмом кивнул:

— Лишен всех званий, отправлен в уездную глушь рядовым сотрудником, да еще и с выговором.

Цю Минцюань моргнул:

— А что с тем директором Чжоу?

Лю Дунфэн показал ему большой палец:

— Ты угадал, он тоже кончился!

Лю Циньхуа, смешав радость и удивление, спросила:

— Значит, наш дом спасен?

— Да! Говорят, в городе прибыла специальная следственная группа. И действительно, как говорил Минцюань, компания, принадлежащая директору Чжоу, оказалась фирмой-однодневкой. Неизвестно с кем они сговорились, но хотели получить эту землю, ничего не вкладывая! — серьезно произнес Лю Дунфэн. — Директора Чжоу прямо на месте забрали следователи.

Отец Лю поднял бокал, обращаясь ко всем:

— В Новый год одни хорошие новости. Давайте выпьем!

Во всем дворе меньше половины семей имели черно-белые телевизоры. В семье Лю Циньхуа теперь работали трое, так что они жили посвободнее, и несколько лет назад купили четырнадцатидюймовый телевизор «Павлин», который сейчас шумно транслировал новогодний концерт.

В памяти Цю Минцюаня тоже было время, когда он жадно смотрел телевизор и новогодний концерт, но в его доме долгое время не было такой техники, и в его воспоминаниях о кануне Нового года этого никогда не было.

Держа бокал, он, наслаждаясь обильной едой, невольно поглядывал на черно-белый экран, где три ведущего вели программу: Цзян Кун, а также уже ушедший из жизни Хоу Яовэнь и почтенный старец Сунь Даолинь.

Как только начался новогодний концерт, госпожа Лю Ланьфан начала свое выступление «Перечисление в жанре пиншу», ее хриплый, но полный очарования голос сопровождался звуком деревянного била:

— Цзы!...

Смех и радость с черно-белого экрана смешивались с редкими звуками петард за окном, и вдруг звуки фейерверков стали чаще.

Наступила полночь!...

— Эй, ты, пей поменьше! — в ярости закричал президент Фэн. — Завтра утром нам нужно действовать по плану, так что приходи в себя, не порть мне важное дело!

Цю Минцюань, хихикая, улегся на кровать, поглаживая подвеску на груди, и, склонив голову набок, сладко уснул.

...

Храм Нефритового Будды на улице Аньюаньлу в городе Дуншэнь в первый день Нового года встретил толпы людей. Семьи приходили гулять по храму, зажечь благовония и попросить удачи на год, а также специально посмотреть на новогодние буддийские церемонии.

Среди них каждый год было много людей, которые тайно соперничали: кто-то хотел отблагодарить за исполнение желаний, кто-то хотел попросить о чем-то, а люди с высоким статусом и большими богатствами заранее связывались с храмом, чтобы успеть зажечь первую благовонию и выразить свое благочестие.

— Твои родители пришли зажечь благовония? Они верят в Будду? — Цю Минцюань стоял на цыпочках у ворот храма. Гости, зажигавшие первую благовонию, казалось, все еще были внутри, и доносилась мелодичная буддийская музыка.

Фэн Жуй ответил:

— Раньше они не верили, но потом все изменилось.

Хотя этот нефрит на его груди был семейной реликвией, в ранние годы семья относилась к этому несерьезно, считая это просто суеверием старших. Но только когда Фэн Жую было четыре или пять лет и произошел несчастный случай, вся семья внезапно осознала это.

Фэн Жуй попал в аварию во время школьной экскурсии в детском саду.

На заднем сидении автобуса трое детей погибли, двое получили тяжелые травмы, а Фэн Жуй, сидевший посередине, не пострадал.

Родители Фэн Жуя были напуганы до смерти, но услышали, как маленький Фэн Жуй ясно и четко сказал, что в момент аварии он почувствовал вспышку белого света на амулете на груди и жар в груди. Только тогда они начали верить в странность этого камня.

Фэн Жуй помнил, что после аварии родители, по чьей-то рекомендации, водили его к известному монаху храма Нефритового Будды, мастеру Юаньхуэю. Он не знал, что мастер сказал его родителям, но знал, что с тех пор нефрит на его шее по-настоящему стали считать его жизненной силой.

— Я слышал, что за право зажечь первую благовонию нужно платить? — наивно спросил Цю Минцюань.

В будущем, как говорилось во многих социальных новостях, некоторые предприниматели и богачи тратили огромные суммы, даже миллионы, чтобы получить право зажечь первую благовонию.

Фэн Жуй фыркнул:

— Сейчас такого нет. Просто смотрят, кто искреннее и придет раньше, поэтому некоторые набожные верующие действительно ждут всю ночь.

Конечно, после зажигания благовоний было обычным делом оставить пожертвование на масло для ламп.

— Мои родители сегодня принесли 5 000 юаней на масло для ламп, сейчас, наверное, уже пожертвовали. В этот момент они, должно быть, пьют чай в задней комнате. Пойдем, пройдемся туда.

— Пять тысяч! — Цю Минцюань был ошарашен. Сумма, которую семья Фэн пожертвовала на благовония в храме в Новый год, была больше, чем все деньги, которые он так упорно копил.

Фэн Жуй мысленно фыркнул:

— Это же очевидно! Семья Фэн в любое время считалась одной из самых богатых в округе!

— Позже действуй по плану, который я тебе рассказал, — наставлял Фэн Жуй. — Будь хитрее!

Цю Минцюань с гримасой на лице спросил:

— Так забирать деньги у твоего отца... это действительно хорошо?

Фэн Жуй с нетерпением холодно усмехнулся:

— Я прошу денег у своего отца, что в этом плохого? К тому же, я не беру их просто так. Информация, которую я продаю ему, стоит больше, чем десять миллионов.

Храм Нефритового Будды имеет долгую историю и расположен между прежней французской концессией и международной концессией.

По легенде, в конце XIX века здесь раскопали каменную стелу, и после того, как она была извлечена на свет, в этом месте началась эпидемия. Как раз в это время монах с горы Путо проходил мимо и оставил здесь небольшую резную статую Будды из нефрита, сказав:

— Эта стела называется «Стела ушедших душ», ее появление — большая беда, и этот нефритовый Будда нужен для ее подавления.

Действительно, после того как стелу снова закопали в землю, а нефритовый Будда остался в храме, эпидемия здесь медленно рассеялась.

Храм Нефритового Будды получил свое название отсюда и с тех пор стал одним из известных храмов города Дуншэнь, где в течение всего года горит благовонный дым. Нынешний настоятель, мастер Юаньхуэй, также имеет глубокие познания, вызывая восхищение буддистов.

Цю Минцюань, следуя указанному Фэн Жуем маршруту, обогнул храм сзади, нашел огромное дерево, влез на него и тихо спрыгнул внутрь храма.

Это была самая глубокая часть храма, дым благовоний и чтение сутр перед главным залом становились далекими. Фэн Жуй, различая сцены в памяти многих лет назад, сказал:

— Налево, по голубому каменному пути вперед.

Впереди шло богослужение, и в этом заднем дворике, за исключением немногих почетных гостей, почти никого не было. Цю Минцюань прошел через лунные ворота, окруженные тенями деревьев, и вдруг столкнулся с человеком.

Он был маленького роста и сразу врезался в круглую кучу ватной куртки. Удивленно подняв голову, он увидел низкого, полного монаха с добрым лицом.

— Мастер Юаньхуэй! Почему он здесь? — Фэн Жуй не смог сдержаться и выкрикнул.

Этот мастер всегда имел некоторые связи с их семьей Фэн и видел его несколько раз. Красная веревка, на которой висел его амулет, каждый раз, когда старая изнашивалась, заменялась новой, которую его мать плела своими руками и специально приносила мастеру Юаньхуэю для освящения.

Низкий, полный монах с улыбкой на лице выровнял этого беспокойного ребенка, который не знал, откуда пришел, но вдруг его лицо слегка изменилось.

Он протянул руку, чтобы остановить Цю Минцюаня, и глубоко посмотрел на него:

— Маленький благодетель, на тебе...

Цю Минцюань остановился, а в сердце Фэн Жуя произошло огромное волнение:

— Ты послушай, что он скажет?

Мастер Юаньхуэй внимательно осмотрел Цю Минцюаня. Куртка на этом ребенке выглядела дорогостоящей, маленькие кожаные туфли были ярко блестящими и новыми. Выглядел он как ребенок из богатой семьи. Но сегодня в храме несколько семей почетных гостей, принятых в заднем дворике, у него были впечатления, как же не было этого ребенка?

Он, конечно, мог различить, что на этом ребенке, вероятно, есть какой-то предмет, освященный им лично. Самое главное, на нем неясно исходил какой-то странный запах!

Цю Минцюань глупо смотрел на него, не зная почему, но сердцебиение немного ускорилось.

<http://bllate.org/book/16729/1538595>